в 1266 г. поляки напали на Русь, оборону умело и своевременно организовал Василько (стр. 571—572). В уста Войшелка, когда он уступил Литву Шварну Даниловичу и ушел в монастырь, летописец вложил такие слова: «Се ми зде близ мене сын мой Шварно, а другий господин мой отець, князь Василко» (стр. 573; ср. стр. 570).

Владимир Василькович в изображении волынского летописца — высокий идеал князя-правителя. Справедливый и милостивый, он пользовался, по словам летописца, всеобщей любовью, как князей и бояр, так и «простых людей», за свое «добро и правду». «Беспокровным покров», «обидимым заступник», он оказывал помощь и содействие всем, кто только в этом нуждался. В 1279 г. он помог голодающим ятвягам (стр. 580). Когда в 1282 г. Конрад Мазовецкий отправил Владимиру посла с извещением о своей «соромоте», он «сжаливси и росплакався» и немедленно принял участие в распре Семовитовичей на стороне Конрада (стр. 582—583). В 1285 г. он оказал помощь и попавшему в беду Льву Даниловичу: по просьбе Льва пошел вместе с ним на поляков, разорявших владения Льва (стр. 585—586). Он поддерживал добрые отношения с Литвою, и литовцы, по словам летописца, очень ценили это отношение к ним Владимира; они говорили ему: «Володимере, добрый княже, правдивый! Можем за тя головы свое сложити; коли ти любо, осе есмы готовы» (стр. 586). Особо отмечена в летописи забота Владимира о церкви: «домы церковные» он щедро снабжал иконами, книгами, дорогими сосудами, посылал ценные подарки епископиям Перемышльской и Луцкой, даже в далекий Чернигов (стр. 609). С большой похвалой подчеркнута летописцем также необыкновенная образованность и начитанность Владимира Васильковича; книги он не только читал, но и охотно переписывал (стр. 609). «Бысть книжник велик и философ, акого же не бысть во всей земли и ни по немь не будеть», — писал о нем летописец (стр. 601). По словам летописца, он хорошо разумел «древняя и задняя» (стр. 600) и даже обладал даром понимать «притче» и всякое «темно слово» (стр. 601).

Единством характеризуется и литературный строй Волынской летописи. Непосредственно примыкая к летописи Данила Галицкого, она ведет изложение без погодной сетки, как и предшествующая ей летопись. Но этим и исчерпывается сходство между ними. Летопись Волынская по всему своему литературному строю явно тяготеет к традициям киевского летописания XII в.

В основе ее изложения лежит тот же строго хронологический принцип, что и в летописании киевском. Характерное для летописца Данила Галицкого стремление «овогда же писати в передняя, овогда же возступати в задняя» волынскому летописцу чуждо; отступления от хронологического принципа у него единичны и не выходят за пределы обычной нормы.

С киевским летописанием Волынская летопись сближается и наличием одних и тех же форм повествования. В ней налицо все выработанные киевским летописанием повествовательные жанры: краткая погодная запись, «документальный» рассказ, некролог и, наконец, пространная агиографическая повесть (о смерти Владимира Васильковича).

В отличие от летописи Данила Галицкого, где погодные записи вообще отсутствуют, в летописи Волынской они нередки (стр. 570, 589, 590 и др.). Краткие и аморфные в литературном отношении, они ничем не разнятся от аналогичных в летописи Киевской.

Некрологи Волынской летописи также по структуре своей очень близко напоминают соответствующие статьи Киевской летописи, иногда даже дословно совпадая с ними. Все они (см. стр. 570, 574, 581, 590, 591) построены по одной и той же схеме: сообщается о том, когда умер князь,